

² Ван дер Варден Л. Б. Пробуждающаяся наука. М., 1959, с. 124.

³ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 71.

⁴ Михайлов А. А. Николай Коперник и развитие астрономии. — В кн.: Николай Коперник. К 500-летию со дня рождения (1473—1973). М., 1973, с. 56.

⁵ Амбарцумян В. А. Коперник и современная астрономия. — В кн.: Николай Коперник. К 500-летию со дня рождения (1473—1973), с. 44.

⁶ Фок В. А. Система Коперника и система Птолемея в свете общей теории относительности. — В кн.: Николай Коперник. Сборник статей к 400-летию со дня смерти. М.—Л., 1947, с. 180—181.

⁷ Павлов Т. Коперниканский переворот в философии и марксизм-ленинизм. — Вопросы философии, 1973, № 7, с. 9.

⁸ Цит. по: У истоков классической науки. М., 1968, с. 301—302.

⁹ Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И. Паскаль. М., 1971, с. 176.

¹⁰ Шелли М. Франкенштейн, или современный Прометей. М., 1965, с. 68.

Гурам ТЕВЗАДЗЕ

КАНТ И ФИХТЕ В «ФАУСТЕ» ГЕТЕ

О соотношении взглядов Канта и Гете писалось много. Гете не был лично знаком с Кантом, но начиная со второй половины 90-х годов XVIII в. он все больше находил общее с его учением, а также с вызванным Кантом могучим философским движением — классической немецкой философией¹. Исследователи часто, под впечатлением влияния Гердера на Гете, склонны преувеличивать расхождение взглядов величайшего философа и величайшего поэта эпохи². В последнее время больше внимания обращается на единство их взглядов³. Целью настоящей статьи является установить в «Фаусте» отражение — оценку взаимоотношений между Кантом и Фихте.

Когда Фихте своей работой «Опыт критики всяческого откровения» (1792) привлек к себе внимание, Гете давно уже стоял на вершине славы. Фихте в нем видел родственную душу в борьбе за освобождение человека и вместе с тем олицетворение синтеза немецкой культуры. Свой главный труд «Основы общего наукоучения» (1794) он послал Гете со словами: «К Вам по праву обращается философия: Ваше чувство является ее пробным камнем»⁴. Тогда Фихте надеялся издать совместный труд с Гете. Шиллер был посредником между ними. Надежде не суждено было сбыться. Лекции Фихте, который был приглашен в Иенский университет, всполошили город. Студенты и передовая интеллигенция были в восторге, консерваторы — возмущены. Появились доносы на Фихте. Вспомнили, что он в предыдущем году опубликовал анонимные работы в защиту французской революции. Фихте обращается к Гете как к «покровителю и другу» за помощью. На этот раз консерваторы были побеждены.

Гете и Фихте объединяло понимание человека как творца, как свободного существа. Для Фихте это означало свободу

субъекта от всякой внешней инстанции, будь то материя или бог. Человек, как обладающий моральным самосознанием, свободен как во вселенной, так и в обществе. Свободен в том смысле, что все, к чему он может иметь отношение, должно быть допущено им самим, как имеющее значение. Разумеется, это не своевольное допущение, но все же его решение признать что-либо существующим и имеющим значение. Конечная опора значимого для нас обстоятельства основывается на таком решении. Эта позиция коренится в учении Канта о примате практического разума и в «законе сознания» К. Рейнгольда.

Взгляды Гете и Фихте значительно совпадали в этот период относительно французской революции. Оба видели в ней начало новой эпохи. Фихте свою философию считал соответствующей идеям французской революции. Позже это скажет Шеллинг о философии Канта, а Гейне распространит такую оценку на всю немецкую классическую философию, что будет принято Марксом. «Моя система,— писал Фихте,— первая система свободы, и как та нация освободила человека от внешних оков, так и моя система освободила его от вещи в себе». Эту связь Фихте считает внутренней, и в данном случае это является главным для нас. «Моя система была создана не без нее..., когда я писал о нашей революции, тогда словно в награду, нашли на меня первые очертания этой системы»⁶.

Идея связи авангарда немецкой культуры и французской революции получила широкое признание. Ф. Шлегель в «Атенеуме», являющемся «документом основоположного значения для романтической школы» в Германии, наиболее значительными тенденциями эпохи объявил французскую революцию, «Вильгельма Мейстера» Гете и «Наукоучение» Фихте⁶. Тут же, в последнем письме, Ф. Шлегель признавал Гете и Фихте вождями немецких романтиков: «Гете и Фихте,— вот простейшая и удобнейшая формула для всех стимулов, которые связаны с «Атенеумом», а также для всех недоразумений, поводом которых стал «Атенеум»⁷. Это написано в 1798 году, когда популярность Фихте достигла апогея. Он был уверен в своей силе, также в полной поддержке со стороны коллег и в особенности студентов, действовал вызывающе как в отношении признанных авторитетов, так и в отношении официальной религии.

Первый труд Фихте, заслуживший высокую оценку Канта, для обоснования свободы и творческой активности человека отрицал правомерность допущения трансцендентного миру бога. Человек, по мнению Фихте, свободен лишь тогда, когда он знает, что свободен и действует согласно моральному закону, которому подчиняется как собственному. Фихте отрицал не только попытку подчинить человека механическим законам и представить его в виде машины (Ж. О. Ламетри), также решительно отвергал он понимание человека как «моральной машины»⁸. Опасность этого возникла при непонимании учения Канта. Че-

ловек не должен быть даже моральной машиной, утверждал Фихте; если человеку предписаны богом моральные принципы так, что в их установлении и осуществлении воля человека не является главной и решающей, тогда человек не может быть ни моральным, ни свободным.

Следует подчеркнуть, что Фихте требует не только теоретической активности или размышления согласно этическим законам, а, в первую очередь, действия, направленного на чувственный мир с целью его преобразования и уподобления идеальному. В 1794 г. (это год создания его системы) Фихте писал: «Действие! Действие! Именно для этого существуем мы в этом мире... Пусть радует нас вид широкого поля, предназначенного нам для обработки! Пусть радует нас, что мы чувствуем в себе силу и что наша задача бесконечна»⁹.

В 1798 г. в «Философском журнале», популяризовавшем философию Фихте, появилась смелая статья его последователя Ф. Форберга «Развитие понятия религии». Фихте статью предусмотрительно сопровождает собственным очерком «Об основании нашей веры в божественное мироправление». Он утверждал, что считает несомненным божественное как моральный миропорядок, в котором каждому разумному индивидууму определено свое место. «Наш мир есть превращенный в чувственность материал нашего долга». Настоящий атеизм заключается в том, что «человек мудрствует о последствиях своего действия и не хочет подчиниться голосу своей совести, пока не уверится, что предусмотрел благополучное следствие»¹⁰.

Осторожность не помогла Фихте. Было ясно, что данное понимание бога не соответствовало официальному. Опять вспомнили, что он и письменно, и устно расхваливал французскую революцию. Начался так называемый *спор об атеизме*. Было опубликовано письмо Канта, несогласного рассматривать учение Фихте как правомерное развитие своей философии¹¹. Фихте был уверен, что старого учителя спровоцировали против него. Было опубликовано также «Послание одного отца своему сыну-студенту о фихтевском и форберговском атеизме», возмущенного тем, что такой грубейший атеизм преподается в христианском университете¹². Журнал был конфискован.

Фихте защищается. Вначале он полон надежд. Издает работу «Апелляция к публике по поводу обвинения в атеизме», сопровождая ее ироническим эпиграфом против правительства: «Прошу эту работу прочесть до запрещения». В обществе уже раздаются недовольные голоса, — пишет Фихте. — Он считает невозможным для чести своей эпохи, чтобы свободомыслящие не выступили в его защиту. Он не отрицает, что бога представляет иначе, чем тот нарисован в «Дрезденской библии» — в виде бородатого старика. Но веру в бога считает специфической чертой человека, отличающей его от животного. Для Фихте религиозность и моральность — абсолютно одно и то же. Обе они — по-

стижение моральности: в одном случае делом, во втором верой. Религия без моральности является предрассудком, который «обманывает несчастных ложной надеждой и делает их неспособными к какому-либо улучшению»¹³.

В этой борьбе Фихте пришлось очень тяжело. Пришлось пойти на существенные уступки¹⁴, оставить Йенский университет. Из революционера он превращается в примиренческого профессора. Он фактически сошел со столбовой дороги развития философии. По ней, продолжая начатое им дело, уже шествовал Шеллинг. Фихте переехал в Берлин, где сблизился не только с романтиками¹⁵, но и с правительством. Он становится первым выборным ректором Берлинского университета, основанного В. Гумбольдтом 18 августа 1809 г. Примерный патриотизм Фихте во время оккупации Берлина Наполеоном, участие в освободительной войне освящает его имя в памяти народа. Такое схематическое обозрение личности Фихте на разных этапах его деятельности необходимо для правильного прочтения образа Бакалавра в «Фаусте» Гете.

Вопрос о том, фигурирует ли Фихте в «Фаусте», не новый и, на первый взгляд, не спорный. В 1954 г. Г. Цельтнер в монографии «Шеллинг мимоходом, как само собой разумеющееся, отмечает, что современники неправильно понимали немецкий идеализм и вместо реального содержания имели дело скорее с карикатурой на него. «Уже Гете взял, подобным образом, на мушку учение Фихте, и, в особенности в лице Бакалавра во второй части Фауста, создал карикатуру фихтеанца»¹⁶. Как будто все ясно. Историк философии, который внимательно прочитает II действие II части «Фауста», согласится с этой оценкой. Это признавалось большинством исследователей и до и после Цельтнера. С той разницей, что одни видели здесь объединенный образ Фихте и Шеллинга¹⁷, другие — Фихте и Шопенгауэра¹⁸. В комментариях немецкого издания «Фауста» говорится, что «идеалист» в «Вальпургиевой ночи» — Фихте, в Бакалавре подразумеваются Фихте и Шопенгауэр. Тут же указывается, что в беседе с Эккерманом Гете не согласился с данной интерпретацией образа Бакалавра¹⁹. Значительная часть специалистов идет за Гете, среди них следует в первую очередь назвать авторитетного комментатора Э. Трунца²⁰. Таким образом, вопрос остается открытым.

Думаю, позицию тех, которые Бакалавра считают карикатурой на Фихте, можно укрепить новыми фактами, без которых некоторые места из II действия II части «Фауста» остаются непонятными. Я подразумеваю взаимоотношения Канта и Фихте в конце XVIII в. и спор об атеизме Фихте. В качестве рабочей гипотезы Мефистофеля в этой части «Фауста» будем считать Кантом, а Бакалавра — Фихте.

Когда Эккерман 16 декабря 1829 г. спросил Гете, «подразумевается ли в Бакалавре определенный круг идеальных фило-

софов?»), Гете отверг эту мысль, можно сказать, с *настораживающей категоричностью*, как будто невозможно было допустить подобное. Он сказал: в Бакалавре «олицетворена та претенциозная самоуверенность, которая особенно свойственна юному возрасту и которую в столь ярких образчиках имели мы возможность наблюдать в первые годы после освободительной войны. В юности каждый думает, что мир начал, собственно говоря, существовать вместе с ним и что все существует, в сущности, только ради него»²¹. Чтобы объяснить образ повелевающего солнцем Бакалавра, Гете указывает на восточное сказание о человеке, который каждое утро собирал вокруг себя своих подданных и пускал их работать лишь тогда, когда по его требованию всходило солнце. При этом он был настолько умным, что приказывал лишь тогда, когда солнце само было готово взойти²².

Художник, разумеется, может создать образ без исторического прототипа, но если реальность дает возможность объяснения данного образа, от такой возможности нельзя отказываться. Тем более, если известные черты образа взяты из действительности, а их игнорирование приводит к насильственной интерпретации. Бакалавр есть карикатура. В карикатуре, созданной мастером, безошибочно узнается адресат. Для этого, разумеется, надо знать адресата. Мы вправе не удовлетвориться объяснением Гете. В тексте «Фауста» Бакалавр молод, но все же отличается от студенчества, единодушно одобряющего его мысли. Для установления прототипа Бакалавра необходимо найти вполне уверенного в своей правоте лектора, идущего против традиции и пользующегося поддержкой студентов. Таким лектором был Фихте. Не является тайной и то, что в Йене и Веймаре было распространено превратное понимание «Наукоучения» Фихте, напоминающее мысли Бакалавра. Возникновению такого понимания способствовал ближайший друг Гете Ф. Шиллер. Когда было опубликовано «Наукоучение» Фихте, где доказывается, что всякое существование является продуктом «Я» и что предмет равняется понятию о предмете, Шиллер пошутил: интересно, как это терпит мадам Фихте? Шутка быстро распространилась и укрепила то ошибочное мнение, будто в философии Фихте «Я» означало эмпирический субъект. Но Шиллер не только шутил. 28 октября 1974 г. он пишет Гете: согласно Фихте «высокая реальность находится лишь в «Я». Мир для него лишь меч, который «Я» бросает и потом, с помощью рефлекса, снова ловит. Следовательно, своему божеству он действительно придал вид, который мы предугадали недавно»²³. Видно, Гете и Шиллер обсуждали возможные следствия из основоположений Фихте.

В 1795 г. Шиллер послал Фихте замечания на его работу — «Об оживлении и возвышении чистого интереса к истине». Фихте с болью в сердце пишет любимому поэту, которого считал

другом, что он не понял работы и приписывает автору бессмысленности²⁴. Напряженные отношения с Шиллером, видимо, продолжались и проявились в споре об атеизме, когда Фихте более всего нуждался в поддержке. В 1799 г. он пишет другу Шиллера К. Рейнгольду: «В моем деле Шеллинг (который не принадлежал к обещающим мне поддержку) поступил благородно, а Шиллер — позорно»²⁵.

Главный враг Фихте — государственный министр Х. Г. Фойгт, был другом Гете. В период спора об атеизме ясно недовольство Фихте Шиллером и Гете. В одном из писем он прямо называет их сторонниками деспотии и несправедливости²⁶.

Для Гете в это время Фихте был нежелательной личностью, ибо мешал спокойствию государства. Возгордившийся профессор грозился, что уйдет из Йены, что будет равносильно закрытию университета, ибо за ним последуют студенты и коллеги. Фихте ушел, но никто не последовал за ним, хотя просьбу об его восстановлении подписали почти все находившиеся в Йене студенты²⁷.

Гете и Шиллер и так поздно признали учение Канта и теперь не хотели примириться с его радикальной переработкой, предложенной Фихте. Вдобавок она становилась социально опасной. Для Гете Фихте — тот, кто «мыслит о мышлении» и поэтому занимается неразумным делом. Ему стало известно, что после опубликования «Заявления по поводу наукоучения Фихте», Фихте несколько раз непочтительно отозвался об учителе. Через месяц после опубликования заявления Канта он писал Шеллингу: «Я вполне уверен, что если кантовская философия будет понята не так, как мы ее понимаем, она полная бессмыслица». Кант сегодня свою собственную философию уже «не знает и не понимает»²⁸.

Использованием некоторых действительных фактов, а вместе с ними и измышлений противники сумели поколебать репутацию Фихте в научном мире. Ученик Рейнгольда, образованный юрист Ансельм Фейербах назвал Фихте «аморальным человеком», правда, через два года он разобрался в ситуации и взял обратно свое обвинение²⁹. В том же 1799 г. кантианец Тифт-рунк из Галле говорил о «наглых претензиях» Фихте³⁰. Эпиграмма Каролины Шеллинг на наукоучение Фихте завершает представление о нем как об абсолютно самоуверенном человеке, который ни во что не ставит других. Именно так, как Бакалавр в «Фаусте» Гете.

Другая возможная кандидатура на Бакалавра Гете, на первый взгляд — йенский профессор кантианец И. Г. Фриз. Его уволили из университета именно за связь со студенческим движением, на которое указывал Гете в беседе с Эккерманом как на источник образа Бакалавра. Фриз участвовал в Вартбургском празднестве 18 октября 1818 г. Немецкие студенты собрались в Вартбурге, чтобы отметить объявление лютеровских те-

зисов (31 октября 1517 г.) и битву народов у Лейпцига (18 октября 1814 г.). Целью было объединение Германии. Гете сугубо отрицательно оценивал это движение и присоединившихся к нему профессоров без обиняков называл ослиами. Увольнение Фриза из Йенского университета произошло не без его ведома. Тем не менее Фриз не может быть прототипом Бакалавра. Его философия совсем иного качества. Достаточно указать лишь на то, что Фриз был эмпириком и допускал существование вещей в себе. Он старался на основе кантовской философии, в противовес Фихте, Гегелю и другим «идеалистам», создать новую эмпирическую антропологию³¹.

Постараемся разобраться конкретно в диалоге во II действии II части «Фауста», исходя из нашего допущения и описанной выше ситуации в немецкой культуре конца XVIII в. Мефистофель иногда говорит Бакалавру то, что лишь Кант мог сказать своему бывшему ученику. Следует подчеркнуть, что Мефистофель здесь на фоне максималиста Бакалавра выглядит почти как олицетворение терпимости и защитник традиции. Его слова — смесь иронии и любви. Он в основном и добр и чистосердечен, существенно отличается от того Мефистофеля, который в начале первой части, опять-таки в плаще Фауста, беседовал с учеником. Оба они, Бакалавр и Мефистофель, вспоминают эту первую встречу, но оба подразумевают еще и другую историю, какое-то более глубинное измерение, без которого их беседа непонятна.

Во II акте II части «Фауста» Бакалавр врывается с упреками в адрес старой системы обучения, которая невинные умы «забывала мертвечиной». Он видит Мефистофеля, который ему раньше «пыль в глаза пускал»³². Бакалавр находит, что тут ничего не изменилось, а он многого достиг и надеется на большее. Его учили тому, во что сами не верили, и учитель казался умелым, хотя сам ничего не знал. Ответ Мефистофеля, которого Бакалавр и сейчас, так же, как в первой части поэмы, принимает за Фауста: «Я рад, что мой звон вас сюда привлек»³³ (*Mich freut, daß ich Euch hergeläutet*)³⁴ — не является однозначным указанием на предшествующий звонок. Ведь звонок привлек Фамулуса, с которым Мефистофель беседовал некоторое время. Мы не можем сказать, что Бакалавр слышал звон колокола. Эти слова можно прочесть и так: «Я рад, что разрезвонил о вас», т. е. сделал вам имя, или что я призвал вас, извлек из неизвестности. Такое прочтение оправдывается содержанием последующей строки: «Я вам тогда дал немалую оценку (*Ich schätz Euch damals nicht gering*)». Спрашивается, когда это было? Когда они впервые встретились, Мефистофель безжалостно издевался над бедным учеником, да и, оказывается, Бакалавр сам знает, что тогда ему пыль в глаза пускали. Но тем не менее он не отрицает факт такой оценки. Указание на прежнюю встречу, наряду с первой частью «Фаус-

та», подразумевает их встречу (как встречу Канта и Фихте) в 1791 г., когда труд неизвестного экономически беспомощного молодого Фихте действительно высоко оценил Кант и помог на выгодных условиях опубликовать его. Тогда Кант действительно растревожил о Фихте. Именно Кант угадал в личинке будущую бабочку. Не отрицая эту услугу, Бакалавр сразу же бросается на Мефистофеля, как только он скажет, что ученик пока не совсем, «не абсолютно» достиг цели. Бакалавр поучает, что настали новые времена, когда двусмысленные слова непригодны³⁵. Действительно, в этом диалоге слова Мефистофеля двусмысленны, включая «абсолюта», намекающего на абсолютное «Я» Фихте; вспомним и то, что за двусмысленность критиковал Фихте философию Канта.

Э. Грунц отмечает, что «абсолют» указывает на идеалистическую философию, которая в начале 20-х годов приобрела большое значение среди молодежи и которая опыт и эмпирию считала незначительными. Но факт, что идеалист-философ, который безраздельно господствовал среди молодежи и подобно Бакалавру мог утверждать, что мир создан им, что это он «вывел солнце из морского лона» и «пустил луну кружить по небосклону»³⁷, не был популярным в те годы. Тогда безраздельно господствовала гегелевская философия, которой, даже в карикатуре, нельзя приписать такие мысли. «Добрые, верные молодые люди», интересы которых защищает Бакалавр,— это йенские студенты конца XVIII в., которые на самом деле были преданы ему.

Мефистофель признается, что ошибся: он искал золотой клад, а нашел жуткий уголь³⁸. Мефистофель в «Фаусте» никогда не возлагал больших надежд на Бакалавра, а вот Кант действительно надеялся на Фихте, но в своем «Заявлении по поводу наукоучения Фихте» отказался от надежды. *Двуплановость* данного диалога на этом не кончается. Когда Мефистофель придвигает кресло к молодежи, т. е. к современности, Бакалавр отказывает ему в этом праве. Он говорит почти словами Фихте в адрес Канта: претенциозно, когда человек хочет быть чем-то, в то время когда уже ничего не представляет³⁹. В пользу нашего допущения существует еще один, полагаю, решающий аргумент. Подразумеваю источник используемого в диалоге образа «многих лун и ряда солнц».

Комментаторы «Фауста», насколько мне известно, не обращают должного внимания на ту часть диалога, где Мефистофель, убеждая Бакалавра, что всему свое время, с иронией замечает: вы сами уже считаете себя готовым учить, так как «после многих лун и ряда солнц вы приобрели достаточный опыт»⁴⁰. Мысль эта, если будем исходить из контекста, совершенно непонятна. Она не нужна и непригодна также как введение к образу об абсолютном «Я» как творце мира, о котором заговорит Бакалавр потом. Там говорится о луне и солнце в

единственном числе. Наверное, это является причиной того, что в доступных для меня переводах это место остается непонятым. Переводчики или упускают этот образ, как это делает Пастернак⁴¹, или переводят совершенно обыденным содержанием, теряющим ту неожиданность и парадоксальность, которая несомненна в тексте, например: «Прошло немного месяцев и лет — И опытом извели вы свет» (перевод Н. А. Холодковского)⁴². В прозаическом переводе С. Соколовского читаем: «Несколько солнечных и лунных оборотов было достаточно для приобретения Вами опытности во всем»⁴³. В оригинале говорится о луне и солнце во множественном числе, в переводе же подчеркивается краткость срока обучения Бакалавра. Видимо, переводчик считал, что иначе этот образ не имеет смысла. Комментаторы вполне солидарны с переводчиками. Они указывают лишь на то, что Бакалавр не ценит эмпирию, опыт, что и без этого образ совершенно ясен и не нуждается в комментариях.

Говоря о «множестве лун и ряде солнц», Мефистофель иронически намекает Бакалавру на что-то, что известно, но из предыдущего текста непонятно. Можно допустить, что это такой же факт, как их первая встреча в 1791 г. Так оно и есть. Подразумевается произведение Фихте, написанное в том же роковом для него 1799 г. — «Апелляция к публике», в которой Фихте защищается против обвинения в атеизме.

Во второй части «Апелляции к публике» Фихте говорит о вечности и могуществе человеческого «Я», о незыблемости его моральной самости. Фихте призывает людей преодолеть эмпирическое и случайное в себе и возвыситься до сознания своего чистого морального характера...: «тогда увидите, что вы из себя представляете, поймете, что эта земля со всей своей красотой, которую вы с детской наивностью считаете неколебимой, также это солнце и десять тысяч солнц... весь этот универсум, при простом воспоминании которого содрогается ваша чувственная душа,.. не что иное как простой отблеск вашей же... внутренней вечности»⁴⁴. С этим миром погибает ваше чувственное «Я», «но мое тело не есть «Я». Моральное «Я» остается незыблемым даже «после уничтожения многих новых солнечных систем». Тут же указывается на то, что чувственность — лишь «пыль и зола»⁴⁵, что почти поторяется Бакалавром при оценке опыта⁴⁶. А Кант требовал строгого ограничения человеческого познания пределами опыта. Названная работа Фихте в 1799 г. была издана дважды, и Гете не мог не знать ее, во-первых, как интеллигент той среды, где разыгрался спор об атеизме, во-вторых, как знакомый Фихте, у которого не раз просил Фихте защиты, в-третьих, как министр, которому официально посылались все документы, касающиеся этого дела. Отсюда ясен намек Мефистофеля на множество лун и солнц, подчиненных Бакалавру, составляющих простой материал его опыта⁴⁷. Ясно и то, что в дискуссии между Кантом и Фихте в 1799 г. Гете определенно

был на стороне Канта. Все это необходимо для понимания II действия II части «Фауста»⁴⁸.

Отношения между Гете и Фихте скоро уладились после ухода последнего из Йены. Уже в 1800 г., 2 декабря, Фихте посылает дружеское письмо Шиллеру, обещая, что с планом нового обоснования «Наукоучения» он ознакомит его и Гете в рукописи⁴⁹.

Фихте в Берлине сближается с правительством, во время освободительной войны его патриотизм был примером, после смерти (1814 г.) его память высоко чтят⁵⁰, и Гете не хотелось признать в Бакалавре Фихте. Но созданная в сознании Гете карикатура на философию Фихте во время спора об атеизме, была устойчивой, и он в образе Бакалавра включил ее в «Фауста» как отражение одной из сторон духовной жизни тогдашней Германии.

---

¹ Tews adse G. Zur Frage der Naturerkenntnis bei Kant und Goethe. — Goethe Jahrbuch. Weimar, 1979, S. 129.

² Simmel G. Kant und Goethe (Beilage zur Allgemeine Zeitung). — München, 1899, Nr. 125, S. 3; Störig H. J. Kleine Weltgeschichte der Philosophie. Köln, 1970, S. 362.

³ Гулыга А. В. Кант. М., 1977, с. 199—200.

⁴ Fichte J. G. Briefe. Leipzig, S. 89.

⁵ Ibid., S. 112—113.

⁶ Athenaeum. Berlin, 1798, S. 5.

⁷ Ibid., S. 239.

⁸ Fichtes Werke. B. V. Berlin, 1971, S. 118.

⁹ Ibid., B. VI. Berlin, 1971, S. 345—346.

¹⁰ Ibid., B. V, S. 185.

¹¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980, с. 626.

¹² Fichtes Werke. B. V, S. 304.

¹³ Ibid., S. 208.

¹⁴ Fichtes Atheismustreit, ein Scheideweg. — Philosophie und Religion. Weimar, 1981, S. 89.

¹⁵ Гайденок П. Философия Фихте и современность. М., 1979, с. 161—196.

¹⁶ Zeltner H. Schelling. Stuttgart, 1954.

¹⁷ Гёте. Фауст. Тбилиси. 1962, с. 436 (на грузинском языке).

¹⁸ Гёте. Фауст. М., 1978, с. 286 (пер. Б. Пастернака, комм. А. Аникста).

¹⁹ Goethe. Faust. Berlin—Weimar, 1971, S. 709.

²⁰ Goethes Faust kommentiert von E. Trunz. Wegner, 1968, S. 554.

²¹ Гёте. Фауст. М., 1978, с. 486.

²² Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe. Berlin, 1962, S. 436.

²³ Heidegger M. Schellings Abhandlung über das Wesen des menschlichen Freiheit. Tübingen, 1971, S. 228.

²⁴ Fichte. Briefe, S. 128.

²⁵ Ibid., S. 194.

²⁶ Ibid, S. 187.

²⁷ Ibid., S. 195.

²⁸ Ibid., S. 201.

²⁹ Philosophie und Humanismus. Weimar, 1978, S. 196.

³⁰ Kant's gesammelte Schriften. B. XIII. Berlin und Leipzig, S. 511.

³¹ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem. B. III. Berlin, 1923.

³² Гёте. Фауст. М., 1978, с. 265 (перевод Б. Пастернака).

³³ Гёте. Фауст. М., 1979, с. 225 (перевод Н. Холодковского).

³⁴ Goethes Faust. Wegner, 1968, S. 206.

³⁵ Ibid., S. 207.

³⁶ Ibid., S. 554.

³⁷ Гёте. Фауст, с. 268 (перевод Б. Пастернака).

³⁸ Ваша лысая голова, признайтесь, не заслуживает ничего лучшего, паирует Бакалавр (Goethes Faust, S. 207). Может быть, и тут Гёте обыгрывает слово «голова», так как знал, что в письме к Рейнгольду 28 сентября 1799 г. Фихте назвал Канта «головой лишь в три четверти».

³⁹ Goethes Faust, S. 208.

⁴⁰ Ibid., S. 207.

⁴¹ Гёте. Фауст. М., 1978, с. 267.

⁴² Гёте. Фауст. М., 1979, с. 225.

⁴³ Гёте. Фауст. М., 1903, с. 193.

⁴⁴ Fichtes Werke. B. V, S. 236: «...ihr werdet finden, wer ihr selbst seid; und werdet findet, dass dieser Erdball mit allen der Herrlichkeiten... dass dieses ganze unermeßliche All, vor dessen blossen Gedanken eure sinnliche Seele bebt,... dass es nichts ist, als... ein matter Abglanz eures eigenen... ewigen Daseins».

⁴⁵ «Was nur Staube und Asche ist». (Fichtes Werke. B. V, S. 236).

⁴⁶ «Schaum und Dust». (Goethes Faust, S. 207).

⁴⁷ Fichtes Werke. B. V, S. 237: «Ihr werdet... kühn eure Unendlichkeit dem unermeßlichen All... gegenüberstellen und sagen: ...Du bist wandelbar, nicht ich; ...und wenn aus eurer Trümmern so vielemale neue Sonnensysteme werden Zusammengeströmt sein, als eure ale sind ihr über meinem Haupte Leuchtende Sonnen, und die jungste unter allen ihren letzten Lichtfunken längst wird ausgeströmt haben, dann werde ich noch seyn, unversehrt und unverwandelt, derselbe, der ich heute bin;...»

⁴⁸ Также создает Гёте образ Проктофантасмиста, как карикатуру на проповедителя Ф. Николая. — «Goethes Faust», S. 528.

⁴⁹ Fichte J. G. Briefe, S. 239.

⁴⁹ В 1831 г. Гегель, по его желанию, был похоронен рядом с Фихте. — Фишер К. Гегель. М.—Л., 1933, с. 151.

Л. В. ПОЛЯКОВ

РУССКИЙ НЕКАНТИАНЕЦ (КАНТ И И. Д. ЯКУШКИН — К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ВЛИЯНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ)

«Однако же, хоть я и не знаю, какие теперь твои религиозные чувствования, но, признаюсь тебе, не могу поверить, чтобы к этому душевному спокойствию ты пришел путем того оледеняющего деизма, который исповедовали умы твоей категории...»

(П. Я. Чаадаев И. Д. Якушкину,
19 сентября 1837 г.)

Декабрист Якушкин как мыслитель сформировался под перекрестным влиянием традиций как русской, так и западноевропейской философской и социальной мысли. Достаточно широко эрудированный, специально изучавший историю философских систем, Якушкин был знаком в подлинниках со многими выдающимися произведениями мировой философской литературы. Тяга к серьезному чтению не была у него лишь отголоском той